

СПЕЦПРИКЛЮЧЕНИЯ МИШИ ШЕРЕХОВА

ДМИТРИЙ НАУМОВ

Дмитрий Евгеньевич Наумов
Спецприключения
Миши Шерехова
Серия «Детектив-экшен»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64039032

*Спецприключения Миши Шерехова / Дмитрий Наумов: Горизонт;
Москва; 2013*

Аннотация

Цикл рассказов, посвященных разведчику Шерехову – это юмористическая проза, посвященной внутренней жизни наших российских контрразведчиков. При этом автору удалось создать и образ героя, который, воплотил в себе черты целой плеяды истинно народных героев нашей литературы, и, что самое любопытно, при этом оставшись самим собой. Разведчик Шерехов – это и Штрилиц, и Бендер, и Мюнхаузен, и даже Чонкин в одном лице. Шерехов – это более чем достойный наш ответ туповатому английскому Джеймс Бонду. Приключения Шерехова увлекательны и смешны, а кроме того, в соответствии с жанром, неизменно удачны для героя. При всей курьезности приключений Шерехова, Наумову, на мой взгляд, удалось не только продемонстрировать доскональное знание описываемой

им темы, которую он, как говорится, знает изнутри, но рассказать о своем герое с большой теплотой и симпатией.

Несомненно, порадуют читателя и блестящие юмором авторские зарисовки «Из письма пациента психоневрологического диспансера» и «Бессонница в летнюю ночь».

Член Союза Писателей России В. Шигин

Содержание

Спецприключения Миши Шерехова	5
Книга первая	5
Рассвет	5
Решающий удар	15
Светлый путь	26
Книга вторая	32
В путь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Наумов

Спецприключения

Миши Шерехова

Спецприключения

Миши Шерехова

Книга первая

В песках

Рассвет

Крупные звезды как капли живительной росы на черном бархате мерцали в душной ночи. Ветерок, дувший с моря, не приносил облегчения. Окно, открытое навстречу великой пустыни, соединяло усталую душу майора Шерехова с вековой тоской южного неба.

В резидентуре начинались рабочие сутки. Вся подготовительная работа к этому часу была закончена – бланки проверочных маршрутов по городу были заполнены, аппарату-

ра звукозаписи проверена, экипировка подогнана точно по фигуре резидента.

"Дождались, – с облегчением подумал Шерехов, – из Центра получено "добро" и пожелание успеха... Наконец-то".

Шерехов еще раз вспомнил как нелегко ему было доказать Центру необходимость разработки второй любимой жены местного эмира, вспомнил как впервые пришла к нему эта гениальная мысль и невольно улыбнулся широкой, по-детски доброй улыбкой.

Перед его глазами вновь возникла обстановка торжественного зала Голубого дворца эмира Обдурмана. Сам эмир Ахмад Ахад Аль-Сабах Аль-Амир ибн Сауд встречал гостей хорошо отработанным жестом ото лба к груди и ниже, чем-то напоминающим жест аборигена племени Макваква отдаленного кенийского района Каруме, возвращающегося с хорошей вечеринки в субботний вечер и перед расставанием с друзьями показывающего им, что решение жены не пускать его в родное бунгало в "таком состоянии" он принимать во внимание не будет.

Конец белой чалмы спадал широкой лентой на грудь эмира, скрытую многочисленными боевыми наградами, выданными самому себе за годы непрерывных поисков в песках родного эмирата достойного врага цитадели и оплота всего арабского мира. Сабля темной дамасской стали свисала с португалии, подаренной эмиру кладовщиком советского посольства дядей Васей по случаю седьмой годовщины восем-

надцатой свадьбы светоча и надежды всего Обдурмана.

Везир представлял каждого вновь прибывающего гостя и его супругу эмиру и здесь опытным взглядом психолога-агентурста майор Шерехов отметил живую реакцию Аль-Сабаха на каждую спутницу представляемого дипломата – кадык эмира судорожно дергался и каждый раз суетливым движением он откидывал за спину орден "Святой непорочности". Шерехов был без жены и очень жалел об этом, так как не мог провести оперативный эксперимент и удостовериться в том, что сложные телодвижения эмира не являются следствием халатности придворной няни, уронившей Аль-Сабаха в его детские годы на святые камни мазара прародителя династии, а есть не что иное, как результат неравнодушного отношения ибн-Сауда к прекрасному полу, приобретенного им в отрочестве и так бережно донесенного до своих весьма зрелых лет.

После того, как последний гость и его супруга были представлены эмиру и визирь достал папирусный список имен первых двухсот жен Аль-Сабаха для ответного представления семьи ибн-Сауда дипломатическому корпусу, Шерехов, проведя глубокий квалифицированный анализ, сделал для себя однозначный вывод – эмир по женской части слаб... Причем не просто слаб, как большинство арабских эмиров, а слаб до нервных тиков и обильного потовыделения.

Визирь зачитывал очередное имя и женская фигурка, накрытая паранджой, выходила из боковой двери тронного за-

ла и, шлепая чарыками, по голубому ливийскому мрамору переходила между колонн к двери гарема, над которой горело табло с ярко-красной аварийной надписью на арабском и английском языках "Не входить". Эмир был большим любителем всевозможных технических штучек и задался целью приобщить Обдурман к прелестям научно-технического прогресса. Начал он, как понял Шерехов, с собственного гарема.

Шерехову надо было побыть одному и обдумать мысль, поразившую его в тот момент, когда визирь зачитал имя второй жены из группы любимых жен эмира первой лиги класса "А", на которые был разделен весь гаремный состав этой сексуальной сборной. От профессионального взгляда майора Шерехова не ускользнула та дрожь, которая передернула эмира, когда в боковой двери тронного зала появилась небольшого роста женская

фигурка, накрытая ярко-черной попонкой и по особо сложным телодвижениям Аль-Сабаха, последовавшими за появлением этой черной незнакомки, Шерехов понял, что оперативная удача разведчика наконец-то улыбнулась ему – он нашел ключик к сердцу непреступного эмира Обдурмана.

Спустившись вниз напервый этаж, где располагались коммунальные службы дворца (бани, гардероб, службы общепита гарема и буфет для гостей), Миша уже имел в голове планшифротелеграммы, подготовленный по всем правилам информационно-аналитической работы, основы которой без-

успешно пытались привить ему на далекой заснеженной Родине.

Плотно закрыв и зашторив окно, Шерехов включил настольную лампу, достал из сейфа бумаги и, в который уже раз за этот вечер стал перечитывать телеграмму из Центра. Текст телеграммы был знаком Шерехову до боли, приобретенной бессонными ночами в раздумьях о том, как выполнить боевой приказ, не растеряв при этом с таким трудом подобранной и обученной группы бескорыстных помощников. И сейчас, перечитывая заново текст шифротелеграммы, Шерехов чувствовал, как сладкая истома растекалась по телу от сознания того, что он, майор разведки Шерехов, нашел решение сложного вопроса, который сам придумал и поставил перед Центром и разработал оперативно грамотный план, утвержденный Москвой, начало которого назначено на 9.00 местного времени.

"Надо поспать, утро будет трудным", – подумал Шерехов, но из-за стола не встал, а придвинув кипу бумаг, стал перебирать их, отыскивая и откладывая в сторону нужные. Сюда легли бланки проверочных маршрутов по выявлению возможного наружного наблюдения, составленные Шереховым еще в прошлую свою командировку, лист оперативных расходов, еще девственно чистый и расписка особо ценного агента "Али", в конце которой Миша с удовлетворением прочитал еще раз: "О моем сотрудничестве с советской разведкой никто кроме меня и моих родственников знать не бу-

дет".

"Али" был особо дорог Шерехову, поскольку работал в банях Голубого дворца Эмира Аль-Сабаха, родственников имел не так много, как другие "штыки", а главное – имел прямой выход на гарем эмира. Сам ибн-Сауд часто доверял "Али" помывку основной части своих жен, будучи уверенным в качестве обслуживания. За полную сохранность своей сексуальной сборной, как часто в шутку эмир называл свой гарем, Аль-Амир не беспокоился – он знал, что еще в раннем детстве на светлом празднике обрезания будущего банщика Голубого дворца мулла хватил "лишку" как до операции, так и во время нее. Так что, начиная с бурных лет отрочества "Али" был лишен некоторых земных радостей.

Шерехов приобщил «Али» к оперативной работе еще в прошлую свою командировку, подставив ему по всем канонам оперативного искусства женщину весьма легкого поведения, не зная, к сожалению, всех вышеизложенных обстоятельств жизни банщика. И когда эта разработка дозрела до логического конца и дала результат прямо противоположный ожидаемому, Шерехов, по согласованию с Центром, завербовал его на идейно-политической основе.

* * *

Работать с "Али" поначалу было трудно. Труднее всего было объяснить "Али", что он, Шерехов, из разведки, а не

очередная жертва наркомании. Первые шесть встреч Шерехов посвятил только воспитательной работе, рассказав своему новому агенту краткую историю органов ВЧК-КГБ, их нынешнюю структуру, довел до его сведения наиболее удачные результаты обдурмандийской резидентуры за последние несколько месяцев и охарактеризовав некоторых своих товарищей по работе, работающих под дипломатическим прикрытием в посольстве.

Уже через год "Али" начал активно работать, передавая ценнейшие сведения о работе коммунальных служб зимней и летней резиденций эмира Обдурмана. Ценность этой информации была особо отмечена Центром, поскольку подтвердила данные нашего разведчика-нелегала о том, что эмир совмещает свою летнюю и зимнюю резиденции в одном дворце.

Но все это были цветочки. Время ягодок пришло только сейчас. Шерехов даже похолодел от одной мысли о сложности и важности задания, которое ему предстояло выполнить. Одно лишь успокаивало – в любом случае в конце долгого пути его ждала награда. Правда в случае провала ее получит за него жена, а ему придется отбывать принудительные работы в банях эмира после, естественно, небольшой хирургической операции... Майор Шерехов знал, на что идет.

Собрав листы, сложив их в сейф и опечатав его, Шерехов одел "пинджак" (вид национальной одежды обдурмандийцев) и вышел из кабинета с единственным желанием –

уделить несколько минут совершенствованию своей физической подготовки. Привычка, оставшаяся после незабвенных дней учебы в развединституте, гнала майора Шерехова на стадион ежедневно, и избавиться от нее Шерехову было невозможно, как невозможно было избавиться от богатырского храпа, который так не вовремя появлялся у майора на оперативных совещаниях.

Двадцать седьмой круг подходил к концу, когда Шерехов уже точно решил для себя, с каким выражением лица он будет выходить на проверочный маршрут. Сегодня он будет играть скупающего, ничем не обремененного дипломата, вышедшего ознакомиться с новинками детской литературы местных издательств. Технику Шерехов решил с собой не брать – здесь в Обдурмане это было бесполезно – "наружка" общалась между собой при помощи систем зеркал и солнечных зайчиков. Более того, Шерехов решил полностью исключить из своего оперативного гардероба любые предметы, которые могли хотя бы случайно давать солнечные блики. Это было необходимо в целях конспирации, чтобы противник не смог даже заподозрить майора Шерехова в использовании местных образцов оперативной техники.

Перекинув спортивную сумку через плечо, увязая в песке и правой рукой отгоняя надоевшую муху, Шерехов возвращался со стадиона. С далекого минарета раздавались призывы муэдзина к утреннему намазу. Солнце едва окрасило в розовый цвет бездонное небо и утренняя звезда над гори-

зонтом, как далекая надежда манила к себе Шерехова. Что-то радостное скукожилось в душе разведчика, и он громко и озорно крикнул в сторону минарета, что внесло некоторое замешательство в плавный призыв муэдзина, который оборвал молитву на полуслове и, оправившись от шока, стал посылать проклятия в сторону Шерехова.

"Вот разорался старый..., – подумал майор, чье игривое настроение было подпорчено.

Пройдя мимо глиняного забора мечети и обойдя стороной караван-сарай, майор Шерехов подошел к калитке посольства. Опустив руку в расщелину между вторым и третьим камнем высокого посольского забора, Шерехов нажал ручку только ему известного потайного замка. Калитка открылась, и Шерехов прошел во внутренний двор, обсаженный по периметру березами. Как березы прижились в местном климате, для майора было загадкой, пока кто-то из "чистых" не объяснил секрет этого природного феномена. А секрет был прост – чтобы как то материализовать принцип экстерриториальности посольства спецрейсом из-под Рязани самолетом доставили землю, которой покрыли всю территорию посольского двора, убив тем самым двух зайцев – перестали платить эмиру за аренду земли и, посадив березы, создали тем самым душевный микроклимат сотрудникам представительства.

Поднявшись к себе в кабинет, Шерехов разделся, открыл окно, откинув предварительно шторы, и, теребя запонку,

стал смотреть на березы.

Город просыпался.

"Надо поспать, день будет трудным," – подумал Миша, но от окна не отошел, а стал перебирать в уме все детали намеченной операции. Экспромт майор не любил и разрабатывал все свои операции с учетом всевозможных "если" и поэтому львиная доля времени уходила у Шерехова на свободный поиск трудностей, могущих возникнуть в ходе проведения операции. В такие минуты казалось, что Шерехов тоскует, вспоминая официальный прием накануне вечером, где чрезмерное увлечение дегустацией вин всегда давало результаты, письменное описание которых могло бы сильно подпортить служебную характеристику сотрудника любого ведомства, но только не сотрудника обдурмандийской резидентуры. Тем более не могло это повредить майору Шерехову, так как все в резидентуре знали, что этот неподвижный, тяжелый и внешне малоинтеллектуальный взгляд скрывал напряженную работу мысли майора Шерехова, который, кстати, на официальных дипломатических приемах всегда придерживался "золотого" правила – не смешивать.

Яркое красное солнце вставало из-за горизонта. Огромное, в полнеба, оно щедро одарило красками купола и башни мечетей, плоские крыши жилых домов и стеклянную глыбу нового здания американской компании по продаже в Обдурмане свинины. Утренний ветерок, еще не утративший своей прохлады, разглаживал широкой ладонью суровые морщины

майора Шерехова.

Часы над дверью пробили восемь. Оглянувшись, Миша произвольно отметил по всем остальным часам, висевшим здесь же на стене, что сейчас в Москве – девять, в Баку и Ростове – десять, в Свердловске и Алма-Ате – одиннадцать, Ташкенте – двенадцать, на Сахалине и Владивостоке – полночь.

"Пора". – Шерехов решительно зашторил окно.

Решающий удар

Солнце набирало силу. Превратившись из огромного предрассветного диска в маленький далекий круг, брызжущий нестерпимой жарой, оно прогрело землю к девяти часам до марева, лужицей горячего воздуха растекшегося по дороге.

Шерехов вышел на "точку" как и полагалось, так держа в руках последний номер журнала "Советский воин", чтобы легче можно было прочитать хотя бы часть названия. Постояв у входа в караван-сарай минуту или чуть больше, Шерехов переложил в другую руку журнал и медленно пошел к шумевшему рядом базару. Здесь незаметно Шерехов стал осматривать

местный транспорт, пытаясь по признакам, известным лишь ему, определить, какой же из них принадлежит "наружке". Ему показалось, что у верблюда, стоявшего у кяриза,

шерсть на горбу стерлась столь сильно, что ничем иным как частой сменой наездника объяснить это было нельзя. На всякий случай Шерехов запомнил номер верблюда, а затем, не доверяя своей памяти, незаметно написал его на белоснежной манжетке, отогнув для этого край рукава строгого шерстяного костюма.

Обойдя огромные мешки, Шерехов вышел на узкий проход восточного базара, такой узкий, что покупатели едва могли разойтись друг с другом, не задевая аккуратной кучкой уложенные на земле апельсины и глиняные горшки, выставленные из гончарной мастерской напротив. Брезентовые навесы скрывали от жары продавцов, которые с отрешенным видом перекладывали свой товар с места на место или из высоких пиал пили зеленый чай.

Дойдя до лавки Кунара-индийца, торговавшего здесь парчой и пряностями, Шерехов при заходе в лавку бросил взгляд "в сторону пройденного пути" и обмер. Весь торговый ряд был заполнен какими-то подозрительными личностями, которые делали вид, что что-то выбирают у прилавков или, что было еще более подозрительным, о чем-то оживленно беседовали с хозяином той или иной лавки. Тревожная мысль колготнулась в воспаленном сознании Шерехова: "Неужели за мной выставили все Управление?!"

Шерехов попытался взять себя в руки. И это ему удалось после того, как он вспомнил, что однажды на "поэлементных" занятиях в развединституте обнаружил в метро седь-

мой прицепной вагон, битком набитый, как ему тогда показалось, сотрудниками "НН" или как на Сретенке за ним ехал "топтун-камикадзе", мобилизовав для наблюдения за Шереховым асфальтовый каток. Тогда на разборе все закончилось веселым смехом, но здесь, чувствовал Шерехов, одним смехом не отделаешься...

В лавке Кунара Шерехов пробыл недолго – ровно столько, сколько нужно человеку убедиться, что зашел он не туда, куда направлялся. Выйдя из лавки, майор пошел по базару дальше, легендированно останавливаясь то у одного прилавка, то у другого, спрашивая, порой невпопад, у мясника цену на корицу, а у цветочника оптовые цены на виноград. Пройдя вторую контрольную точку и не сделав определенного вывода о наличии "хвоста", Шерехов в отчаянии бросился вон с базара, на ходу переделывая, перестраивая, переигрывая маршрут и легенду нахождения в городе.

Выбравшись, наконец, из лабиринта лавок, лавочек и лавчонок, судорожно сжимая в руке недозрелый, зеленый еще банан, Шерехов махнул первому проходящему мимо такси и взобравшись на высокий горб муниципального транспорта, почувствовал себя в безопасности. Привычка профессионала заставила майора еще раз перепровериться и, перегнувшись назад, он внимательно изучил номер верблюда, который к ужасу Шерехова полностью совпал с цифрами на белоснежном манжете его левого рукава. С трудом, но все же Шерехову удалось довольно спокойно попросить погонщика

остановиться у лавки Ахмеда – самого знаменитого магазина Обдурмана, где можно было найти все – от серьезных изданий на политические темы до порнографической периодики.

Обменявшись приветствиями с хозяином, Шерехов как мог объяснил, что ему нужен детский вариант сказок "Тысячи и одной ночи", заранее зная, что в Обдурмане кастрированный вариант этих сказок для взрослых успехом не пользуется и отдельной книгой не издается. Каково же было удивление майора, когда Ахмед из-под прилавка достал книгу сказок в красочном жестком переплете, где на титульном листе внизу было выбито знакомое еще с детства название родного издательства "Советская Россия".

Не успев удивиться тому, что в Советском Союзе он никогда не видел столь красочного издания, Шерехов вышел из лавки, крепко прижимая к груди незабвенный сборник детских сказок "тети Шехерезады", не веря в столь неожиданную удачу. Но недолго пришлось пребывать майору Шерехову в благостном настроении – ему на глаза попался верблюд, чья морда и стертый горб удивительно напоминали морду и горб верблюда, безвременно оставленного Шереховым у лавки Ахмеда. Номер этого верблюда кардинально отличался от записанного на манжете. Тоска вновь охватила душу Шерехова. Он решил еще раз грубо провериться, а затем попробовать оторваться. Вспомнив, что недалеко за барханом когда-то стояла cabina телефона-автомата, Шерехов медленно, стараясь не вызвать подозрение у окружающих, не об-

ращая внимание на насквозь промокшую под костюмом рубашку, по солнечной стороне вдоль высокого дувала пошел на выход из города.

По кривой улочке, опираясь правой рукой на бесконечно длинный забор и перепрыгивая через узкие ручейки помоев, бежавших от двери к двери, Шерехов наконец-то добрался до северных ворот. Пройдя их, он резко развернулся и стал делать вид, что ищет гранитную плиту, которая напоминала, что ворота представляют историческую ценность и охраняются аллахом. Гранитной плиты на воротах не было-Шерехов их перепутал с восточными – но это было уже неважно. Важно было то, что из ворот никто не вышел.

Шерехов прошел под палящим солнцем до заветного бархана, где, как он помнил по прошлой командировке, стояли кабины международных телефонов фирмы "ИТД" и откуда через Катманду можно было позвонить в родной Бердянск.

Бархан был на месте, но кабины не было. Зато была небольшая таблица, где на хорошем английском языке было принесено извинение за то, что переговорный пункт временно не работает, вследствие заноса его песком и далее сообщалось, что после первого же бурана узел будет функционировать вновь. Шерехову стало немного жаль упущенной возможности переговорить с домочадцами, но не в его привычках было долго и сильно расстраиваться и, напевая "вихри враждебные веют...", Шерехов быстрым шагом зашагал к месту встречи.

"Али" был как всегда точен и аккуратен – он появился ровно через полчаса после назначенного времени. Местные мальчишки, которые на углу играли в "альчики", и вначале не обращали внимания на белого господина в строгом черном костюме, к концу вторых пятнадцати минут оставили игру и окружили этого странного европейца, который за полчаса даже в тень не зашел. И стали выпрашивать у него мелочь на щепотку анаши – слабого наркотика местного производства. Разогнав эту "амшару", "Али" долго по-восточному приветствовал Шерехова, расспрашивая его о здоровье матери его детей и двоюродного дедушки детей его матери.

Обсудив все предварительные вопросы, необходимые в начале каждой оперативной встречи и договорившись, что по легенде они познакомились на концерте Стравинского, а разговор на встрече вели о живописи Ренуара, Шерехов тут же перешел к делу, попросив охарактеризовать некоторых из жен ибн-Сауда. "Али" добросовестно выполнил просьбу своего друга, правда, несколько увлекшись несущественными деталями интимного характера, ставшими ему известными по роду службы. И все это время по ходу рассказа "Али" мозг Шерехова лихорадочно работал в одном направлении – как подвести "Али" к мысли о необходимости знакомства его со второй любимой женой эмира. Может быть, сказать, что по его данным она собирает марки и он, Шерехов, хотел бы обменяться с ней монгольской серией о космосе с бахрейнской серией о русском балете?

Рассказы "Али" продолжались уже третий час, когда Шерехов нашел выход – он решил сказать, что безумно влюблен в Чичак – вторую жену эмира- и хотел бы, чтобы он, "Али", организовал ему свидание с милой его сердцу восточной красавицей, чей гибкий стан, небесного цвета шальвары и фиолетовый оттенок паранджи которую уже ночь не дают ему покоя.

Душа похолодела у Шерехова, когда по расширенным зрачкам "Али" он понял, что смысл сказанного им дошел до сознания его верного помощника. Наступил критический момент многолетнего сотрудничества. Как поведет себя "Али"? Сможет ли он переступить ту невидимую грань, у которой будут бороться верность королевской семье и желание скопить за счет советской разведки деньги на нового верблюда? Неподвижный взгляд "Али" как нельзя более красноречиво говорил такому тонкому психологу, каким был майор Шерехов, об острой бескомпромиссной душевной борьбе двух вышеперечисленных мотивов.

Но вот бледность лица "Али" сменилась прежним загаром и в глазах вновь заискрилась живая мысль. Кризис миновал. Хитро улыбаясь, "Али" переспросил Шерехова, правильно ли он понял, что светлое чувство майора к Чичак так помутил его разум, что тот хочет снискать на свою голову гнев самого Аль-Сабаха? А ведь ибн-Сауд в ревности так же страшен как и в любви... Это будет почище международного скандала и одним обвинением во вмешательстве во внутрен-

ние, сугубо семейные дела эмира Обдурмана здесь не обойтись. Если Аль-Сабах узнает о связи своей любимой жены с молодым еще мужчиной, дело может принять серьезный оборот, начиная, грубо говоря, кастрацией Шерехова и кончая кастрацией межгосударственных отношений. Подумали ли достопочтеннейший "мейджар Шер-Эль-Хов" об этом?

Несомненно "Али" был прав. Аргументы против он привел с достаточной убежденностью, но отступить было поздно, да и характер задания Центра предполагал работу на грани риска. Не оставалось ничего другого, как довериться "Али" до конца и раскрыть истинную причину необходимости свидания с Чичак. "Али" отнесся с полным пониманием к сложному заданию Центра и через полчаса совместный план действий был оставлен до мелочей, а верному помощнику майора были переданы адреса конспиративных квартир, где это свидание можно было организовать наилучшим образом.

День клонился к закату. Красноватый песок и длинные черные тени как декорации фантастического фильма обрушивали свою тревогу на душу Шерехова, который тщательно вязал узел галстука, готовясь к финальной части своего плана. Да, сегодня должна решиться судьба всех долгих приготовлений. Каким будет этот заключительный аккорд? Сомнения с новой силой поднимались непреодолимым желанием отменить встречу с Чичак... Но надо! Надо!

Шерехов аккуратно сложил паранджу, положил ее в атташе-кейс, щелкнул замками – она пригодиться ему при заходе на женскую половину конспиративной квартиры, расположенном в богатом особняке ректора местного теологического университета. Хозяина этого особняка Шерехов привлек к сотрудничеству под "чужим флагом", выдав себя за иранца-шиита, верного последователя имама Хомейни, зная заранее, по наводке о жгучем желании ректора порвать с опостылевшим ему ханифитским мазхабом суннитского толка. Слабое знание арабского языка и почти полное незнание языка фарси майором Шереховым никак не насторожило профессора, так как язык фарси профессор знал еще хуже, но всей душой принимал Шерехова за иранца, так как последний никак не мог быть арабом с таким жутким произношением горлового звука "каф". Да, "каф" Шерехову действительно не давался, да и где взяться этой способности к горловым звукам, если плавные, широкие песни родного Бердянска не оставляли юному Мише Шерехову никаких сомнений, что в этом большом прекрасном мире нет места другим звукам и другим языкам, а тем более такому варварскому как арабский...

Но судьба распорядилась иначе – папа смог устроить сына только в Институт стран Азии и Африки, и Мишина моло-

дость была загублена сиро-ливанским диалектом.

Но как бы там ни было, ректор работал с Шереховым активно и с желанием, собирая для майора наводки на своих студентов и передав треть своего особняка под конспиративную квартиру и сейчас майор Шерехов выходил на проверочный маршрут, имея окончательной целью этот двухэтажный особняк на кривой улочке в западной части столицы Обдурмана.

Сумерки быстро сгущались, и Шерехов с трудом угадывал в неясных тенях разведчиков "НН", которых темнота заставила работать Секретно вплотную. В ответ на это Шерехов стал грубо проверяться – это дало положительный эффект – двое из бригады не выдержали строгого в упор взгляда майора и растаяли в быстро сгущавшихся сумерках.

Дойдя до места отрыва, Шерехов ногой толкнул стеклянные двери турецких бань и, не раздеваясь, через парную прошел в бар, а оттуда через боковой выход на глухую узкую улочку, куда свет даже днем проникал с трудом, а ночью впору было открывать фотолабораторию. Шерехов отсчитал вправо двести пятнадцать шагов, повернул налево, наугад перепрыгнул через арык с помоями и, зайдя за стену бокового дома, включил фонарь. Идти стало легче и, спустя полчаса Шерехов был на месте.

Ночь вступила в свои права, опустив звездный полог над усталой раскаленной за день пустыней. Над горизонтом, угадываемом в едва уловимой смене сочно фиолетово-черных

красок, вставала луна, припудрив золотым светом верхушки барханов, застывшими волнами накатывающихся на спящую столицу Обдурмана. Подойдя к традиционно низкой калитке, Шерехов дважды условно поскреб по шершавой поверхности дувала. Дверь почти бесшумно открылась и, пригнувшись, майор шагнул в черный проем. В темноте сквозь широкие листья инжира светились окна дома, путеводным маяком указывая проход к парадному входу. Хорошо отработанным жестом завсегдадая ресторанов Шерехов протянул влево руку, безошибочно найдя широко оттопыренный в его сторону карман слуги. Золотой динар тускло блеснул в темноте. Калитка закрылась и Шерехов, стараясь ступать как можно тише, раздвигая низкие ветки инжира, направился к дому.

К встрече все было готово – на восточном ковре дымился плов, лепешки вавилонской башней возвышались на белой скатерти и аппетитные фрукты дополняли этот восточный колорит. После долгих приветствий и похвал всевышнему Шерехов рассказал хозяину, как обстоят дела у Хомейни, как дела в Куме и Реште, каковы цены на базарах Тегерана и каковы стратегические планы руководства в борьбе с этим безбожниками-иракцами. Шерехов не скрывал ничего, что он смог почерпнуть из материалов ТАСС, регулярно поступающих в советское посольство, и хозяин был счастлив, что приобщился к событиям в стране истинно правоверных мусульман. Сделав омовение, сели обедать. Ели мол-

ча, как принято на Востоке и ближе к полуночи с трапезой было закончено. Затем был традиционный кальян и, наконец, усталый, но довольный встречей ректор оставил Шерехова наедине со своим желанием решить сегодня ночью все свои проблемы.

Накинув паранджу, Шерехов черной молнией кинулся на женскую половину дома. Здесь на первом этаже в маленькой уютной комнате его уже ждал "Али". Приподняв край черного покрывала, Шерехов одними глазами спросил своего помощника, как обстоят дела и "Али" также одними глазами показал, что все готово и, кивнув головой, пригласил следовать за собой. Пройдя по узкому коридору, "Али" откинул полог, скрывавший потайную дверь, и пропустил Шерехова вперед.

Яркий свет юпитеров больно ударил Шерехова по глазам...

Светлый путь

Прохладный октябрьский день легким ветерком гулял по Москве, обрывая желто-коричневые листья и неся их по улице Горького как памятные медали недавно шелестевшего зеленого лета. Низкие серые тучи несли на своих плечах холод скорой зимы, спеша куда-то на юг как перелетные птицы. В редких разрывах туч небо далекими голубыми прогалинами радовало душу Шерехова, который медленным шагом, не

по-московски, прошел мимо здания концертного зала имени Чайковского, затем мимо кондитерского вниз к Красной площади.

На противоположной стороне улицы, под аркой, сразу за магазином "Малыш" длинная очередь загромождала от пытливого взгляда Шерехова прилавок со множеством картонных коробок с одной стороны прилавка стоявших аккуратными брикетами и кучей набросанные с другой. По длине очереди Шерехов безошибочно определил, что завезли "дефицит", но что конкретно отсюда было трудно разглядеть. Все тем же медленным шагом Шерехов прошел мимо магазина радио и фототоваров и с удивлением обнаружил еще одну очередь с возвышающимися над ней знакомыми уже картонными ящиками. Подойдя ближе, он с удивлением и радостью обнаружил в ящиках зеленые еще бананы. Красно-белые "сердечки" с черной иностранной надписью на каждом банане и адрес отправителя на коробках вызвал у Шерехова прилив радостного возбуждения, а цена, выставленная на прилавке, теплой волной пронеслась в душе. Непрошенная мужская слеза навернулась на глаза. Да, нет ничего более приятного и возвышенного, чем видеть плоды своего нелегкого труда, и Шерехов простил себе эту минутную слабость.

"Уже продают, – с гордостью подумал он, – уже, значит завезли".

Воспоминания теплой рекой разлились по всему телу.

Люди подходили к прилавку, выбирали бананы покруп-

нее и пожелтее, целыми гроздьями укладывая их на чашу весов. Люди платили, прятали бананы в хозяйственные сумки и авоськи и никто не обращал внимания на товарища в темно-зеленом плаще, с теплотой народного контролера в глазах наблюдавшего за ходом бойкой торговли. А ведь это ему они обязаны тем, что сегодня вечером смогут удивить своих маленьких "бармалейчиков" экзотическими фруктами, на продажу которых совсем недавно страны-экспортеры нефти наложили эмбарго...

Руки нескончаемой чередой опускались в ящик, задерживаясь там недолго. Карусель зелено-желтых бананов через весы и хозяйственные сумки мелькала перед глазами Шерехова, чистой родниковой водой вороша приятные воспоминания о том душном летнем вечере в далеком пустынном Обдурмане, когда под светом голубых юпитеров пришел его звездный час. Этот долгожданный час, как и всякая настоящая человеческая радость, пришел до удивления неожиданно, но в этой сюрпризности и была, наверно, вся невысказанность, все торжество момента, вся квинтэссенция оперативного мастерства и долгих ночей упорной работы.

Сейчас, вспоминая все происшедшее и глядя как бы с высокой горы всех былых тревог, можно было позволить себе легкую иронию и снисходительную улыбку над всеми напрасными страхами, сковывающих оперативный экспромт, но тогда, когда яркий свет юпитеров ударил по глазам майора Шерехова, эта гора предыдущих просчетов показалась

Шерехову его Голгофой...

Войдя в ярко освещенную комнату, наспех, как потом отметил Шерехов, переоборудованную в конференц-зал, майор инстинктивно отшатнулся, но легко, по-дружески подталкиваемый своим верным помощником, вышел на середину импровизированной сцены. В зале было человек двадцать, все как и он, Шерехов, накрытые паранджой, кто с головой, а кто просто набросив ее на плечи. Застрекотала киноаппаратура и, как по команде включились репортерские диктофоны.»Али", вытянув правую руку вперед, призвал к тишине, а затем на чистом испанском языке начал что-то долго объяснять, показывая иногда рукой на Шерехова. Затем, вдруг перейдя на арабский, закончил свое выступление словами: "И после всего вышеупомянутого я призываю вас, дорогие соотечественники, приложить все усилия, все свое журналистское мастерство, чтобы послужить отечеству. Запомните, Колумбия не простит нам упущенной возможности". Помолчав несколько секунд, "Али" добавил:

– Господа, прошу задавать вопросы представителю Внешторга господину Шерехову!

Вопросам не было конца. Спрашивали о заинтересованности Внешторга в закупках обдурмандийских бананов, о масштабах возможного импорта, о предполагаемых закупочных ценах...

Спустя полчаса Шерехов шел неспешным шагом рядом со своим помощником и слушал рассказ "Али", хроникой ухо-

дящего в историю событий, раскрывающихся под волшебным звездным небом родины сказок "Тысячи и одной ночи". "Али" оказался вовсе не "Али", а капитаном колумбийской разведки Хосе Мартинесом, работающим здесь под "крышей" банщика и уже который год руководившим нелегальной резидентурой в Обдурмане. Хосе рассказал как легко, воздушно легко работалось ему с Шереховым, как проникся к нему истинной симпатией и как решил не рисковать жизнью Шерехова, когда тот прочитал ему шифровку с заданием Центра прорвать банановое эмбарго стран-членов ОПЕК. Хосе предусмотрел все – и всевозможные осложнения в случае провала, и возможную выгоду для своей страны, если Внешторг будет закупать колумбийские бананы. Да, конечно, эта пресс-конференция была для Шерехова неожиданностью, но кто давал гарантии, что разработка второй любимой жены эмира даст желаемый результат? А здесь почти стопроцентная гарантия – завтра в колумбийских газетах будет опубликовано интервью, общественное мнение будет подготовлено м бананы, подобно Гольфстриму, широкой рекой потекут за океан.

От здания Моссовета открывался чудесный вид на Кремль. Далекая Спасская башня сияла рубиновой звездой. Как хотелось бы подполковнику Шерехову иметь золотое подобие этой звезды на своей груди, но сегодня в торжественной обстановке в послеобеденный час он, Шерехов, получит награду не менее почетную – Орден "Дружбы народов" за

тонко проведенную операцию по налаживанию экономических связей с Колумбией, звание Героя, кто знает, ждет его в следующей, полной опасностей и волнений, наполненной героикой трудного хлеба разведчика, долгосрочной командировке, где его опыт и мастерство, приобретенное в Обдурмане, позволит проводить еще более дерзкие операции.

Книга вторая

У самого синего моря

В путь

Серый дом, стоящий в центре города, привлекал внимание проходящих отсутствием архитектурных излишеств. И это было неудивительно – в классическую эпоху принятия решений общество было далеко от демократических выкрутасов даже в области архитектуры. Строгие колонны у главного входа серого дома не оставляли сомнений в принадлежности архитектурного шедевра к присутственным местам, а серьезные лица его посетителей лишь подтверждало мнение прохожих.

В месте этом и присутствовал с девяти утра до девяти вечера подполковник Шерехов М.Н., решая в силу своего богатого опыта вопросы государственной важности. Редкий вопрос новой политической власти страны обходился без того, чтобы поставить Шерехова в известность о том, что вопрос такой существует. Поставки грузовых вагонов в некогда братские республики, гуманитарная помощь новых друзей новой России, проезд делегации из города-побратима Киото в город-побратим Париж через город-побратим Мухосранск – все становилось информационным достоянием строгого

серого дома.

Временами Шерехова охватывал производственный зуд и административный экстаз, и он задавался вопросом – сколько вагонов, почему итальянская тушенка, на какую полосу в мухосранском аэропорту будут принимать побратимов. Но товарищи, также приходящие в присутственное место к девяти утра в этом случае говаривали: "Миша, успокойся, не для этого ты здесь".

И правда, Миша по штатному расписанию должен был ловить шпионов. Так уж получилось, что с разрушением основ некогда большого государства разрушились, казалось незыблемые, основы профессионального благополучия Шерехова и ему пришлось из разведки перейти в контрразведку. Правда, с повышением в должности. Теперь он руководил подразделением, о важности которого даже он боялся задуматься. Здесь ему пришлось забыть арабский, и вспомнить кое-что из испанского, тоже некогда успешно забытого. Но трудности Мишу не пугали, тем более, что глубокое знание этого красивого языка здесь и не требовалось. Вполне достаточно было своему проверенному "штыку" позвонить и с экспрессией в голосе спросить: "Эрнанд, бля! Комо экстаз?" И на его малопонятный ответ заметить: "Экстаз бьен? Ну что ж, буйно!", – после чего составить информационную справку о политических аспектах оперативной обстановки в Андалузии. Секреты мастерства познаются только с опытом агентурной работы. А опыт Шерехова никогда не подводил.

Собственно говоря, и история эта началась с того, что только благодаря своему опыту Шерехову поручили дело особо деликатное, которое другого бы поставило в весьма затруднительное положение, а Мишу только раззадорило.

Однажды утром, когда сейф еще не был открыт и Шерехов просматривал газеты на предмет какого-нибудь скандала, а напарник гонял на компьютере очередного "геппера", Мише позвонил Начальник. Если бы в то утро Шерехов мог предвидеть все последствия этого звонка, то он проявил бы больше прыти, собираясь под ясные очи руководства отдела. А не стал бы по дороге заходить к знакомым и друзьям обменивать видеокассеты, и послушать свежий анекдот, а заодно "стрельнуть" хороших сигарет – свои он курить бросил не из-за экономии, а из-за принципа.

Когда он, наконец, переступил порог кабинета Начальника, стрелки настенных часов приближались к одиннадцати.

– Заходи, спринтер! – обрадовался Шерехову Начальник

Удобно расположившись за "Т" – образным столом темного благородного дерева, Шерехов небрежно бросил перед собой видеокассеты и папку с исполненными документами, докладывать которые ему приходилось Начальнику с периодичностью смены лунных фаз и небрежно, но с уважением во взгляде спросил:

– Ну, Михайлыч, опять вагоны с сахарным песком?

– Нет, Миша, теперь дело серьезное, – вздохнул Михайлыч и передал Шерехову шифровку на которой красным ка-

рандашом была выведена страшная буква "К". Для несведущих буква "К" не означала ничего. Но все сотрудники оперативного управления знали, что буква "К" – это литера контрольного документа, исполнение которого отслеживалось специально подготовленными всем своим богатым жизненным опытом и интеллектом людьми. И люди эти обязательно спросят с человека, которому будет расписан такой страшный документ: "Доложите нам!" И спрашивать будут так каждый день, пока измученный напряжением мысли работник увядшим голосом выдавит из себя номер справки рожденной им в муках оперативного творчества, напрочь перекрывающей требования ненавистного листка с литерой "К".

Итак, перед Шереховым лежала шифровка из одного южного приморского города необъятной России, известного своими черными ночами. И из этой шифровки следовало, что вот такими черными ночами хитрый и коварный враг не только сам пересчитывал вагоны с гуманитарной помощью, идущие из России в братские республики, охваченные братскими разборками друг с другом, но и подговаривал некоторых несознательных российских граждан помогать им в этих подсчетах. Причем враг был так хитер и коварен, что черными ночами при пересчете вагонов не пользовался фонарями, а определял их общее количество, считая на слух парные стуки вагонных колес на стыках рельсов. А белыми днями враг отсыпался и вел благопристойный образ жизни, чем и выделялся от остальных граждан – от честных тем, что днем

отсыпался, а от нечестных тем, что вел благопристойный образ жизни.

Враг попал в поле зрения местных чекистов, и спустя полгода встал вопрос, что с ним делать в условиях демократии, гласности и всепрощенческой братской любви российского народа к остальным братским и сестринским народам, которые, впрочем, умело скрывали свои горячие чувства к России под лозунгами самоопределения и независимости от опостылевшей им "империи". И совет чекисты южного города спрашивали у Москвы. А в Москве единственно правильный ответ мог дать только Шерехов, это было известно даже Начальнику, собственно поэтому, Миша и прощал себе некоторые вольности в обращении с руководством. Дочитав шифровку, Шерехов уже был готов дать совет, подкупающий своей новизной, но Михайлыч, поняв, что сейчас опять начнется оперативный экспромт" крупного специалиста по гуманитарной помощи", поспешил взять инициативу в свои руки.

– Не спеши, Миша, подумай, а, главное, – здесь Начальник потупил глаза, – собирай вещи, придется ехать к коллегам в Сочи.

"Ща!", – хотел было возмутиться Шерехов, но вовремя сообразил, что ехать надо к морю за государственный счет, жить и кушать надо будут тоже за деньги налогоплательщика и тут же выразил готовность ехать на помощь сочинским коллегам.

Вопрос был решен и Шерехов, встав достаточно резко, чтобы в очередной раз опрокинуть стул, побежал оформлять аванс, задаваясь одним вопросом: "Сколько? Сколько брать? Сколько брать денег?»

Сборы в дорогу были недолгими. Укладывая в большую спортивную сумку пару белья, чистую рубашку, носовой платок и бритвенные принадлежности, Миша в радостном возбуждении чуть не забыл главное – плавки. Последний раз он их одевал в песках Обдурмана, греясь на раскаленных барханах громадного пляжа, окружавшего столицу полуостровного государства на многие сотни верст. Не удивительно, что плавки Мише пришлось поискать – они лежали на дне старого, не разобранного с той самой десятигодовой давности командировки, чемодане вперемешку с ластами, маской, трубкой и водолазными грузами. Все это переключало в спортивную сумку, и сборы были закончены.

Жена Шерехова, привыкшая как настоящая жена контрразведчика к неожиданным отъездам мужа, процесс прощания не затягивала. Только на пороге спросила: "Ты скоро назад?" и, не дождавшись ответа, плотнее закрыла дверь. Ни слезинки, ни вздоха.

"Повезло с женой!" – с гордостью за себя подумал Миша.

* * *

Спустившись вниз и выйдя из подъезда, Шерехов увидел

на лавочке двух приятелей, которые проживали в одном с Мишей доме и с которыми он нередко делил минуты субботнего отдыха. Было видно, что приятели начали делить минуты отдыха уже с утра – речь одного из них была еще внятная, но громкая, жестикуляция другого была сумбурная, но выразительная. В недалеком прошлом это были ответственные сотрудники закрытого оборонного НИИ, сейчас же эти славные представители научной элиты работали на погрузочно-разгрузочных работах одного из товариществ с ограниченной ответственностью, куда они оба ушли, "клюнув" по простоте своей душевной на приписочку в конце этого товарищества, которая гласила, что оно, это товарищество, "закрытого типа". Оба интеллектуала сразу смекнули, что это не что иное как секретное прикрытие начавшего бурно развиваться процесса конверсии. Прозрение наступило довольно быстро, но поскольку платили в товариществе раз в десять больше, чем в родном НИИ, то они решили остаться, отдавая вопросам перехода к цивилизованной конверсии все свободное от погрузочно-разгрузочных работ время.

Завидя Мишу, приятели несказанно обрадовались.

– Мы тут обсуждаем перспективу директивного решения конверсионной программы аэрокосмического комплекса России, – пояснил один из них и душевно заглянул в глаза Шерехову.

Миша понял, что паузу долго держать нельзя – не на работе – еще подумают, что проблема конверсии его не интересу-

ет, и сделав умное лицо, Шерехов решил вставить свою лепту в процесс разработки конверсионной программы ослабляющей России.

– У меня есть свое виденье этой проблемы, – издалека начал он, – и если вы не против, основные тезисы я могу сформулировать хоть сейчас".

– На хер! На хер! – закричали пьяные интеллигенты, доставая третий стакан.

Миша сразу погрустнел. То ли от того, что уважаемое общество не захотело выслушать его тезисы, то ли от того, что ему надо было уезжать и он не сможет дослушать окончание высоконаучного диспута, но он погрустнел и пробормотал что-то вроде "Я не могу, мне ехать надо", чем вызвал к себе неподдельный интерес собеседников, которые в один голос заорали:

– А вот и тост созрел – на посошок!

Понимая, что вслед за "посошком" пойдут другие, подкупающие своей новизной, тосты из серии "на ход левой ноги", Миша залпом выпил "посошок", и ушел по-английски, не попрощавшись.

Добравшись муниципальным транспортом на работу, Шерехов, прежде всего, зашел к своему приятелю, который совсем не случайно занимал высокий пост Заместителя Начальника, и в чьи обязанности входило напутствовать и отправить Шерехова в дорогу. Дернув условным манером ручку двери, Миша своим ключом открыл замок и войдя в каби-

нет обнаружил то, что и надеялся обнаружить. Во главе стола сидел хозяин кабинета, он же Заместитель Начальника, он же просто Анатолий Евгеньевич, человек столь скромный, что даже сутулился, стараясь скрыть свое преимущество – стройность по-аполлоновски скроенной фигуры. По обе стороны маленького, но гостеприимного стола сидели боевые соратники из братского коллектива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.